

Александр Годунов. Память

Мы любим устраивать пышные похороны. А последнее время - грандиозные юбилеи. А совсем недавно - шумные встречи тем, кого раньше выдворяли из страны.

Александр Годунов не хотел возвращаться. Он не терпел фальши и пустых словопрений. Как будто предчувствовал, что, когда его не станет, родной театр, где он в течение восьми лет был блистательным солистом, даже не вывесит объявление о его смерти, а другой, в котором он начинал, откажется сделать вечер его памяти. Он вообще был человеком, во всем не похожим на других - ни внешностью, ни танцем, ни самостоятельностью суждений. Его отличала твердость принципов. Это делало Годунова личностью значительной, но и создавало множество трудностей в жизни. Поэтому он везде - и здесь и там, за рубежом, - оставался одиноким человеком. Близким он был только для зрителей.

Дебют Годунова в Большом театре состоялся в «Лебедином озере». Когда Принц - А. Годунов выбежал на огромную сцену и остановился на фоне прекрасного геральдического занавеса С. Вирсаладзе, всех сразу поразил царственный облик юноши. В каждом движении Принца ощущалось благородство, достоинство, то, что принято называть «породой». Величавая осанка, королевская стать, неосознанно горделивая поступь - все это как будто бы наилучшим образом соответствовало атмосфере дворцового праздника, которая окружает Принца. Он как будто создан для царственных появлений при звуках фанфар и труб, для рыцарских турниров, для парадных восхождений по ступеням трона. Думается, что сам Каратыгин и Павел Гердт одобрили бы его поведение, а уж они-то знали толк в изобра-

жении юных царственных особ.

Александр Годунов прежде всего поражал исключительностью своих природных данных. Высокий, стройный, длинноногий - белокурый гигант, могучий викинг, изящный богатырь, наделенный величавой осанкой, царственной статью, горделивой поступью. Кажется, что он создан для сценической статики, монументальных поз, скульптурных жестов и движений.

И вдруг эта великолепная, прекрасная «машина»; «громадина» обнаруживала в танце редкую красоту линий, воздушность и легкость прыжка, замечательный баллон, неслышную мягкость приземлений, огромную динамику вращений.

Многие свои партии Годунов готовил с выдающимся танцовщиком и педагогом Алексеем Ермолаевым. Когда я как-то сказал ему,

Александр Борисович Годунов родился 28 ноября 1949 года в Южно-Сахалинске. В 1958 году поступил в Рижское хореографическое училище, которое окончил в 1967 году по классу педагогов Ю. Капралиса и А. Экиса. С 1967 по 1971 год работал в Государственном хореографическом концертном ансамбле «Классический балет». В 1971 году был принят в балетную труппу Большого театра, где проработал до 1979 года. В 1979 году остался в США. С 1980 по 1982 год - ведущий солист Американского театра балета. В 1981 году параллельно работал в балетном коллективе Алвина Эйсли. С 1984 года участвовал в антрепризе «Годунов и звезды». С 1985 года оставил сцену и снимался в кино. Его фильмы - «Свидетель», «Музей восковых фигур - 2», «Крепкий орешек», «Север», «Бегущий камень», «Зоны».

Известие о его смерти пришло 17 мая 1995 года.

что Годунов очень пластичен, он ответил: «Не только пластичен, но и редкостно «эластичен».

И действительно, танцовщик обладал необычайно «способным» к танцу телом, ему были одинаково легко доступны все темпы мужского классического танца - от благородных, удлинненных, певучих линий адажио до блестящей стремительности «пронзительных», четких пируэтов и туров.

Со времени триумфальных выступлений В. Васильева и М. Лавровского в «Дон-Кихоте», значительно увеличивших виртуозную насыщенность партии, многие последующие исполнители старались во что бы то ни стало не снизить этот уровень виртуозности и невольно превращали роль в набор танцевальных «трюков» разного характера, качества и вкуса. Годунов, не потеряв виртуозного блеска, «вернул» партии тан-

цевальность, кантиленность, не разрывая хореографический рисунок подчеркнутыми акцентами на трудных, эффектных движениях.

Он танцевал па-де-де последнего акта как прекрасный, подлинно классический танцовщик, с вкусом, тактом и мерой, пользующийся «испанским колоритом» в окраске всех движений и поз дуэта.

Вместе с А. Ермолаевым Годунов нашел интересные, своеобразные детали в партии Альберта («Жизель»), которую «рисовал» чрезвычайно живописно и импозантно. Его Альберт - большой вельможа, величавый, надменный, даже властный, и только любовь, пережитая трагедия заставляет дрогнуть его гордую и холодную душу. Изобилие деталей, монументальная изысканность поз придавали образу какую-то «барочную» пышность.

Когда Годунов танцевал Спар-

така, в его пластике словно оживали линии и формы античных статуй, величие античных героев.

Большой удачей Годунова стали партии Хозе в «Кармен-сюите» и Ивана Грозного в одноименном балете - здесь с наибольшей силой раскрылись его чисто артистические возможности. Трагический любовный поединок Кармен-Плисецкой с Хозе-Годуновым стал поединком равных.

Годунов играл Хозе, вопреки традиции, натурой сильной, почти суровой в своей непоколебимой и бескомпромиссной цельности. Юный, но уже чуть хмурый, сумрачно отрешенный солдат навеки одержим своим первым чувством. В нем живет какой-то грозный пафос чистоты. Он не может и не хочет понять Кармен, не может простить ей измены, ее смерть от его руки неизбежна. Беспощадность всепоглощающей, единственной, чистой в своем неистовстве страсти танцевал Годунов в партии Хозе, создавая образ не менее масштабный, чем его прославленная партнерша.

В роли Ивана Грозного Годунов добивался ощущения огромной исторической и человеческой масштабности. Его Иван - личность крупная, бесспорно значительная, полная силы воина и правителя. Удивительно естественно соединял Годунов в этой сложнейшей роли леденящую угрозу без-

мерной жестокости с нежностью любви к Анастасии.

В сцене расправы с боярами он надевал скоморошью личину, и его высокая фигура съеживалась, сжималась, скорчивалась до размеров уродливого карлика. А порой казалось, что его фигура вырастает до исполинских размеров и он способен попрыгать, втоптать во прах, раздавить всех непокорных, неверных, ропщущих, непослушных.

Годунов был способен решать сложные художественные задачи. Но, к сожалению, он не всегда их ставил перед собой или они не всегда были ему ясны. И тогда им овладевало странное сценическое равнодушие, и за редкостным величием его физических и танцевальных данных обнаруживались едва ли не скучающая отчужденность, душевное «отсутствие». Какие-то отсветы трагической судьбы, человеческого и творческого одиночества проступали, ощущались в его искусстве еще до того, как он покинул Большой театр и Россию.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН. 

На снимке: А. Годунов (Хозе) и М. Плисецкая (Кармен) в «Кармен-сюите». (ГАБТ, 1977 г.)

Фото В. СКОКОВА.

Шеф-редактор Наталия БАЛАШОВА.